DOI 10.46320/2073-4506-2026-3-214-515-518

СЕКРЕТАРЁВ Роман Викторович
кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Институт права, Владивостокский государственный университет

БЕЛОВА Дарья Ивановна
магистрант, Институт права, Владивостокский государственный университет, независимый исследователь

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЖИЛЬЕМ УЯЗВИМЫХ ГРАЖДАН

В статье рассмотрен правовой статус институтов предоставления жилья, эволюционировавших от работных домов до современной системы ипотечного кредитования. Проведен историко-правовой анализ и приведены актуальные исследования зарубежных авторов, а также архивные материалы и современная судебная практика Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что, несмотря на формальную добровольность ипотечных отношений, современная система сохраняет фундаментальные черты экономического принуждения, характерного для работных домов, однако эволюция государства привела к созданию конституционных гарантий, разрывающих прямую связь между бедностью и утратой жилья.

Ключевые слова: жилищное право, право на жилище, ипотека, работные дома, социальная защита, государственная обязанность.

Секретарёв Р. В.

Белова Д. И.

SEKRETARYOV Roman Viktorovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Vladivostok State University

BELOVA Darya Ivanovna
magister student, Institute of Law, Vladivostok State University, independent researcher

THE EVOLUTION OF THE STATE DUTY TO PROVIDE HOUSING FOR VULNERABLE CITIZENS

The article examines the legal status of housing institutions that have evolved from workhouses to the modern system of mortgage lending. It provides a historical and legal analysis, as well as relevant research by foreign authors, archival materials, and current court practice of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. The author concludes that, despite the formal voluntariness of mortgage relations, the modern system retains the fundamental features of economic coercion characteristic of workhouses, but the evolution of the state has led to the creation of constitutional guarantees that break the direct link between poverty and the loss of housing.

Keywords: housing law, the right to housing, mortgage, workhouses, social protection, state duty.

Введение

Актуальность темы определяется наличием кризиса в сфере доступности жилья и ростом долговой нагрузки населения, что способствует возникновению новых форм экономической зависимости. Объектом исследования являются правоотношения в сфере государственного обеспечения жильем уязвимых категорий граждан, их историческое развитие и современное правовое регулирование. Предмет — анализ юридических механизмов экономического принуждения в различных моделях предоставления жилья, их трансформация от института работных домов до системы ипотечного кредитования в контексте реализации конституционного права на жилище.

Методологическую основу составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Также применялись формально-юридический и системный методы. Использованы архивные материалы по работным домам (на примере Биминстера), статистика Банка России, нормативно-правовые акты Российской Федерации, судебную практику Конституционного суда Российской Федерации (далее – Конституционный суд РФ) и Верховного суда Российской Федерации (далее – Верховный суд РФ).

Научная полемика выявляет два противоречия, первое, между традиционным представлением о работных домах как исключительно карательных учреждениях и их комплексной ролью в обеспечении выживания. Второе, между формально добровольным характером ипотеки и ее фактическим принудительным аспектом.

Авторская позиция заключается в том, что современная ипотечная система сохраняет фундаментальные черты экономического принуждения, свойственного работным домам, однако эволюция государственных функций привела к созданию системы конституционных гарантий, разрывающих связь между бедностью и утратой жилья.

Целью настоящего исследования является анализ эволюции функций государства в области обеспечения жильем от карательно-принудительной модели работных домов до современной системой конституционных гарантий.

Работный дом как институциональная модель предоставления жилья

Институт работных домов сформировался в Европе в XVI-XVIII веках как ответ на социально-экономический кризис: распад феодальных отношений, развитие капиталистической системы, религиозные конфликты и массовое обнищание населения. По мнению Р. Б. Головкина и Н. И. Нарышкиной, повсеместная проблема бродяжничества усугублялась роспуском частных армий, эпидемиями и ликвидацией монастырей [1]. Первоначально власти применяли жесткие карательные меры (тюремное заключение, ссылку на галеры и смертную казнь), однако во второй половине XVI века начала формироваться новая модель социального контроля – работный дом, основанный на изоляции, принудительном труде и «исправительном воздействии».

Первым учреждением подобного типа стал лондонский Брайдуэлл (1555 г.), задуманный как «дом профессий» для трудоспособных бедняков, однако вскоре превратился в исправительное учреждение. Условия жизни были настолько суровыми, что современники описывали их как «хуже смерти». Этот опыт был успешно перенят другими странами, например в 1595-1597 годах в Амстердаме были открыты мужской и

женский работные дома, которые имели своей целью исправление заключенных посредством труда и дисциплины [1].

Ключевая трансформация института работных домов в Англии произошла в XVIII – первой половине XIX века. Изначально, как отмечает Ю. Е. Барлова, концепция не всегда была карательной. Вильгельм III Оранский в 1698 году считал, что работные дома могут служить средством для воспитания религиозности, добродетели и трудолюбия [2]. Однако к XIX веку их функциональное назначение изменилось.

Эмпирические исследования инвентарей работного дома в Биминстере (Дорсет) показывают аскетичную и функциональную обстановку: стандартизированные спальни (кровати, постельные принадлежности и ночные горшки), отсутствие предметов, позволявших персонализировать пространство или создать уют, скученность (двое человек размещались на одной кровати) [3]. Это подтверждает намеренное создание непривлекательных условий.

С принятием «Акта о проверке работным домом» (1722-1723 гг.) работные дома были интегрированы в структуру государственной социальной поддержки, что позволило организовывать их для предоставления помощи малоимущим. Проживание в них стало «проверкой» на «честность» нуждающегося [4]. С этого момента в Англии были законодательно закреплены две основные формы социального обеспечения: «закрытая» (реализуемая через работные дома), и «открытая» (включающая выплату пособий на дому).

Наиболее полно карательная модель реализована в реформе 1834 года, известной как Закон о поправках к Закону о бедных. Ее философской основой послужили принципы, разработанные Иеремией Бентамом[1] и концепция «менее приемлемого права» (less eligibility), обозначающая, что условия проживания в работном доме должны быть менее привлекательными, чем условия жизни наименее оплачиваемых самостоятельных работников [4]. Как отмечает Ю. Е. Барлова, целью пребывания в работном доме должно было стать создание намеренно отталкивающих условий, которые функционировали как унизительное наказание за бедность [2].

Анализ материальной жизни пауперов в Дорсете демонстрирует, что те, кто обращался в работный дом, на момент поступления уже находились в состоянии крайней нужды. Их имущественные описи фиксируют значительно меньшее количество и худшее качество предметов домашнего обихода по сравнению с теми, кто оставался на внешнем пособии (лишь 9 % вступавших в работный дом владели перинами против 32 % среди получавших помощь на воле) [3]. То есть работный дом использовался как последнее прибежище, а не как место, привлекательное своим комфортом.

Правовой статус лиц, помещённых работные дома, характеризовался ограничением прав и свобод:

– Доступ к жилью и питанию обусловлен обязательным трудом, который часто был бессмысленным и изнурительным (дробление камней, распутывание старых канатов). В Биминстере к 1820-м годам труд стал ориентирован на внутренние нужды заведения (работа в саду, уборка, приготовление пищи) [3], что подчеркивает дисциплинарную, а не экономическую функцию.

– При поступлении в учреждение лицо утрачивало гражданскую правоспособность: супружеские пары разделялись, а дети изымались из семей; режим дня исключал возможность частной жизни [2]. В Биминстере мужчины и женщины размещались в раздельных спальнях-дортуарах. Супружеские пары могли делить кровать только с 1827 года, и то в отдельной комнате, но вместе с другими парами. Униформа и обязательное ношение знаков, а также правила, предписывающие содержать волосы «прилично коротко», подчеркивали статус зависимого лица и служили инструментом контроля [3].

– Условия содержания создавались как суровые и унижающие: скудное и однообразное питание, переполненные спальни (например, «10 детей спало в одной кровати») и минимальный уровень гигиены. Инцидент в учреждении в Андовере в 1848 году, когда лица, находящиеся на обеспечении, вступали в конфликты за остатки испорченного мяса, которое они должны были переработать, иллюстрирует реальное положение дел [2].

Таким образом, работный дом не реализовывал право на жилище, а был мерой наказания за бедность, формируя дисциплинированный рабочий класс.

В Российской Империи институт работных домов был законодательно закреплен в рамках губернской реформы Екатерины II (1775 г.). Учреждения находились в ведении Приказов общественного призрения и предназначались «дабы работою доставить прокормление не имущим» [5]. В соответствующих нормативных актах предписывалось обращаться с находящимися в этих учреждениях «гуманно» и соблюдать «нормы нравственности». Однако на практике режим был строгим. Согласно наблюдениям Л. А. Лопатиной, в данные учреждения помещались лица, ведущие асоциальный образ жизни и занимающиеся попрошайничеством [6].

В контексте современной концепции прав человека деятельность работных домов систематически нарушала фундаментальные права: достоинство (ст. 21), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), частную жизнь (ст. 23), право на свободный труд (ст. 37 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ))[2]. Работные дома стали прототипом современных исправительных учреждений с методами ресоциализации через режим, труд и религиозное воздействие [1].

Эволюция института демонстрирует использование государством предоставления минимального жилья как инструмента социального контроля, что заложило основы для последующих форм зависимости, включая долговую зависимость от ипотеки.

Ипотечное кредитование как механизм экономического принуждения

Современная ипотека, основанная на добровольном соглашении и рыночных механизмах, на первый взгляд, не имеет ничего общего с институтом принудительного помещения в работный дом. Однако при детальном анализе выявляется сходство: использование доступа к жилью как условного блага, порождающего отношения зависимости.

Масштабы явления в России имеют системообразующий характер: в 2000 году объем выданных ипотечных кредитов составлял 1 млрд рублей, а к 2017 году этот показатель достиг 2 трлн рублей [7]. На 01.09.2025 года задолженность по ипотечным жилищным кредитам составила 20,55 трлн рублей[3]. Годовой прирост задолженности на уровне 2,15 % свидетельствует об интеграции ипотеки в экономику.

А. Л. Белоусов указывал на двойственный эффект ипотеки: в краткосрочном периоде рост спроса, приводил к росту цен на объекты недвижимости, и лишь в долгосрочной перспективе стимулирует предложение. Об этом также говорит динамика показателя коэффициента доступности жилья (далее – КДЖ), который улучшился с 7,7 в 2000 году до 3,1 в 2017 году, однако корректировка формулы на величину прожиточного минимума позволяет получить более объективную картину: для семьи, состоящей из трех человек, в 2017 году скорректированный КДЖ составлял 5,18 лет [7]. Согласно исследованиям Ж. Г. Голодовой и П. А. Смирнова, в 2022 году значение КДЖ, рассчитанное с учетом потребительских расходов, увеличилось до 5,86, что указывает на снижение реальной доступности жилья для значительной части населения [8].

Ключевым индикатором, отражающим стабильность финансовой системы, является объем просроченной задолженности. При общей задолженности в размере 20,55 триллионов рублей, уровень просроченных платежей по ипотечным жилищным кредитам составляет около 0,2 %[4]. Этот парадокс (огромный долг при минимальной просрочке) свидетельствует о приоритетности ипотечных выплат для домо-

1 Bentham J. Panopticon; or, The inspection house: containing the idea of a new principle... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/panopticonorins00bentgoog/page/n10/mode/2up (дата обращения: 09.02.2026).

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2026)

3 Статистика ипотечного жилищного кредитования // Банк России: официальный сайт. –[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/pdko/Mortgage/ML/ (дата обращения: 15.02.2026).

4 Там же.

Таблица 1. Сравнительный анализ механизмов принуждения в моделях работного дома и ипотечного кредитования

Критерий	Работный дом (XIX в.)	Ипотека (XXI в.)
Природа принуждения	Прямое: физическое и административное	Опосредованное: экономическое и долговое
Ключевой риск	Физическая эксплуатация, лишение свободы	Задолженность, ущерб кредитной истории
Обеспечительный механизм	Дисциплинарные наказания (карцер, лишение пищи)	Угроза обращения взыскания на залог и судебных преследований
Ограничение свободы	Административный запрет на выбор труда, разлучение с семьей.	Структурное ограничение карьерных и потребительских выборов.
Социальная функция	Дисциплинирование бедных, стигматизация нищеты	Стимулирование экономики, формирование социальной стабильности через собственность.
Целевая группа	Безработные, нищие.	Социально активные слои.

хозяйств. Для заемщиков утрата жилья является недопустимым риском, вынуждающий их сокращать другие расходы и отказаться от возможных карьерных изменений. Низкий уровень просроченной задолженности является не столько признаком благополучия, сколько свидетельством высокой степени вовлечённости домохозяйств в систему финансового регулирования и дисциплины.

Эта модель поведения находит отражение в современной правовой позиции высших судов. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 принцип неприкосновенности жилища и недопустимости произвольного лишения жилища обозначен одним из основных принципов не только конституционного, но и жилищного законодательства[5].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 года № 50 обозначена необходимость обеспечивать баланс прав и законных интересов взыскателей и должников при предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа. В частности, суд должен учитывать все имеющие значение фактические обстоятельства, к которым, в том числе, относятся тяжёлое имущественное положение должника, причины, существенно затрудняющие исполнение[6].

В Определении Верховного Суда РФ от 26.07.2021 года № 303-ЭС20-18761, суд указал, что при оценке поведения должника на предмет добросовестности следует учитывать причины изменения регистрации по месту жительства, а также имелись ли какие-либо особые объективные причины, побудившие должника сменить место жительства без намерения причинить вред кредитору[7].

Данный подход свидетельствует о том, что современное правовое регулирование отвергает модель, при которой долговая зависимость приводит к утрате жилья как основополагающего элемента достойного существования.

Сравнительный анализ выявляет параллели исследуемых институтов (Таблица 1).

В современной модели к «группам риска» экономической зависимости относятся не только уязвимые категории населения, но и формально благополучные группы. Согласно данным исследования от 10.07.2025 28 % россиян планируют ипотеку, 47 % не планируют покупку жилья в связи с высокой ставкой. Комфортный ежемесячный платеж: 40-60 тыс. рублей – 3,1 %, 20-40 тыс. – 20 %, 10-20 тыс. – 41 %, до 10 тыс. – 32,8 %[8].

Таким образом, формируется ситуация, при которой, по словам Ж. Бодрийяра, кредитование даёт возможность «опережающего потребления», но влечёт длительную долговую нагрузку [8].

Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на существенные различия оба института используют жилье в качестве инструмента регулирования поведения индивида. В первом случае применялось прямое, физическое и карательное воздействие, во втором – опосредованно, через экономические механизмы и добровольное согласие заемщика, основанное на страхе утраты актива и риске ситуации долговой зависимости. Принуждение не исчезает полностью, а маскируется под рыночные отношения.

Эволюция государственных функций: от контроля к гарантиям

Фундаментальный разрыв с репрессивной моделью осуществлен на конституционном уровне. В ст. 40 Конституции РФ закреплено право на жилище как неотъемлемое право граждан, что порождает обязанность государства по его обеспечению[9]. Эта обязанность включает два ключевых аспекта: первый, пассивный, заключается в недопущении произвольного лишения жилища. Второй, активный, предполагает создание условий для реализации данного права, включая безвозмездное предоставление жилья малоимущим.

В ответ на риск массового ипотечного кредитования государство разработало инструменты социально-экономической стабилизации.

1. Ипотечные каникулы (ст. 6.1-1 Закона № 353-ФЗ) предоставляются при трудной жизненной ситуации (потеря работы, инвалидность и др.)[10]. В отличие от работного дома, где потеря трудоспособности вела к ужесточению режима или выселению, современное законодательство предоставляет заемщику, легальную возможность временно освободиться от долгового бремени. Эффективность данного института подтверждается судебной практикой. Например,

5 О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (дата обращения: 21.02.2026).

6 О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 (ред. от 19.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/ (дата обращения: 21.02.2026).

7 Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/68a6165c-b3bc-4752-8b86-f82e632070b7/f59a1ec9-7988-4c8b-95aa-3ca3c936553c/A73-12816-2019_20210726_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.03.2026).

8 Высокая ставка пугает. Под какой процент россияне готовы взять ипотеку // 360.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://360.ru/news/obschestvo/vysokaja-stavka-pugaet-pod-kakoj-protsent-rossijane-gotovy-vzjat-ipoteku/?from=inf_cards (дата обращения: 01.03.2026).

9 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2026).

10 О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/ (дата обращения: 02.03.2026).

Решением Ухтинский городской суд Республики Коми от 27.01.2020 по делу № 2-211/2020 признал недействительным отказ ПАО «Сбербанк» в предоставлении льготного периода по ипотеке[11].

2. Программы социального жилья (жилищные сертификаты, договоры социального найма, целевые программы для молодых ученых и семей) направлены на обеспечение жильем лиц, оказавшихся в сложной экономической ситуации, разрывая корреляцию между бедностью и отсутствием жилья. Это отклонение от принципа «менее приемлемого права», который был основой для функционирования работных домов. Важным элементом является гарантия предоставления жилья гражданам в случае признания их единственного жилого помещения непригодным для проживания. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 15.12.2022 года № 55-П отметил, что в случае уклонения межведомственной комиссии и органа местного самоуправления от признания дома аварийным, суд вправе самостоятельно принять решение на основании представленных доказательств[12].

3. Судебная защита как процессуальная гарантия. Современное законодательство предусматривает многоступенчатую процедуру обращения взыскания на единственное жилье в счет погашения задолженности. Суд обязан провести оценку соразмерности требований кредитора и последствий для семьи должника. Кроме того, в статье 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации закреплен запрет на обращение взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение[13]. Вместе с тем Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 года № 28-П предписывает исключать из конкурсной массы средства, оставшиеся после реализации ипотечного жилья, для приобретения нового[14]. Данные положения обеспечивают баланс между правами кредиторов и конституционно гарантированным правом гражданина на жилище.

Таким образом судебная защита жилищных прав имеет социальную направленность, приоритетом которой является защита интересов семьи и детей. Верховный Суд РФ в определении от 18.04.2023 № 5-КГ23-26-К2 признал, что право пользования жилым помещением для несовершеннолетнего возникает с момента вселения или регистрации и не может быть утрачено из-за фактического отсутствия. Непроживание ребенка в жилье, особенно при конфликтах между родителями, не лишает его жилищных прав[15].

Заключение

Проведенное исследование подтверждает трансформацию, а не исчезновение механизмов экономической зависимости в жилищной сфере.

Во-первых, анализ архивных данных конкретизирует механизмы контроля в работных домах: условия жизни и обстановка были подчинены задаче дисциплинирования, а не обеспечения комфорта. Однако практика кратковременных пребываний в Биминстере свидетельствуют, что для трудоспособных бедняков работный дом мог быть элементом «экономии выживания».

Во-вторых, присутствует фундаментальное различие: характер принуждения. В работном доме оно было прямым и физическим; в ипотеке – опосредованное и экономическое, основанное на добровольных долговых обязательствах. Низкий уровень просроченной задолженности в 0,2 % при колоссальном объеме долга в 20,55 трлн рублей является индикатором эффективности скрытой системы финансовой дисциплины.

В-третьих, подтвердилась эволюция роли государства. От создания учреждений для нищих, преступников и социально неугодных, стремясь к их финансовой самодостаточности, до признания обязанности по защите от рыночных рисков, посредством создания защитных механизмов (ипотечные каникулы, судебная защита от произвольного выселения, иммунитет единственного жилья).

Государство обеспечивает не только формальную, но и фактическую свободу граждан, а наличие жилище рассматривается не как привилегия, а как конституционное право, гарантируемое и защищаемое государством.

Пристатейный библиографический список

1. Головкин Р. Б., Нарышкина Н. И. Правовые и организационные основы функционирования работных домов в европейских странах и России в XVI–XVIII вв. // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3 (21). – С. 143-147.
2. Барлова Ю. Е. Работные дома в истории английской социальной политики // Наука и школа. – 2009. – № 5. – С. 73-75.
3. Harley J. Material lives of the poor and their strategic use of the workhouse during the final decades of the English old poor law // Continuity and Change. – 2015. – Vol. 30. № 1. – P. 71-103.
4. Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII – первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1. № 3. – С. 27-31.
5. Петренко Н. И., Загайнов И. А., Блинова М. Л. Некоторые аспекты участия губернских органов управления в реализации пенитенциарной политики во второй половине XVIII века // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. № 1. – С. 100-103.
6. Лопатина Л. А. Основные виды социального обеспечения населения России конца XIX века // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). – 2012. – № 1 (2). – С. 47-50.
7. Белоусов А. Л. Развитие ипотечного кредитования и вопросы методологии определения доступности жилья // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. № 1. – С. 935-947.
8. Голодова Ж. Г., Смирнов П. А. Подходы к оценке и повышению уровня доступности жилья в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23. № 4. – С. 812-824.

11 Решение № 2-211/2020 Ухтинский городской суд Республики Коми от 27.01.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/dCxtYlo4UX5x/ (дата обращения: 01.03.2026).

12 По делу о проверке конституционности части 4 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации и пунктов 7, 42, 47, 51 и 52 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции...: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2022 № 55-П // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434566/ (дата обращения: 03.03.2026).

13 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 22.2.2025) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.03.2026).

14 По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро «Факториус»: постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477999/ (дата обращения: 01.03.2026).

15 Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2023 № 5-КГ23-26-К2 // Официальный сайт ВС РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/lk/practice/cases/12-34266997#12-34266997 (дата обращения: 05.03.2026).